

Джанин Бичем

КУКЛА БЛИЗНЕЦ

Москва
2026

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Б67

First published in 2024 by Firefly Press
25 Gabalfa Road, Llandaff North, Cardiff, CF14 2JJ
www.fireflypress.co.uk

The Doll Twin copyright © Janine Beacham, 2024
The author asserts her moral right to be identified as author in accordance with the
Copyright, Designs and Patent Act, 1988.

All rights reserved.

This edition is published with Darley Anderson Children's Book
Agency Ltd and The Van Lear Agency

Дизайн Алёны Шороховой

Бичем, Джанин.

Б67 Кукла-близнец / Джанин Бичем ; [перевод с английского
А. Захарова]. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. —
(Древо историй. Фэнтези для подростков).

ISBN 978-5-04-231287-8

Когда Уна наконец находит новый дом, ей кажется, что жизнь
наладилась. Тёплые улыбки приёмных родителей, огромный старый
особняк у моря — будто сон, в котором можно спрятаться от кош-
маров прошлого. Всё кажется чудом: уют, карусель в подвале, сотни
антикварных кукол, собственная комната и запах имбирных пирогов
по утрам.

Но чем дольше Уна живёт в «Копперлинсе», тем сильнее чувст-
вует: в этом доме кто-то есть.

Кто-то с её лицом, с голосом, с памятью.

Кто-то, кто хочет вернуться. Домой.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Захаров А., перевод с английского языка,
2026

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-231287-8

1 ноября 1925 года

Дорогая Мэри!

Сегодня я сходила обратно в дом. В тот большой заброшенный особняк. От морской воды дверные ручки заржавели, а оконные рамы искривились, и ставни теперь всегда скрипят и хлопают на ветру. Он похож на корабль после крушения. Дым из труб не идёт, с крыши осыпается черепица, в саду полно сорняков и гниющей листвы. Все думают, что он пуст.

Мы обе знаем, что это не так.

Но я должна была вернуться. И мне придётся возвращаться всю жизнь. Поддерживать огонь, чтоб тьму прогнать. Эти слова отпечатались в моих костях. Однажды их напишут на моей могиле.

Надеюсь, ты в безопасности. И тебе весело — в этом мире автомобилей и джаза, пышных причёсок и браслетов, кинозвёзд, самолётов и храбрых искателей приключений.

Но мне вот что интересно.

В деревне по ночам слышно музыку?

Я молюсь, чтобы она никогда не вернулась.

Твоя подруга навсегда

Уна

Глава 1

1 ноября 1920 года

Уна сидела в кабинете Настоятельницы, упершись пятками в пол и держа на коленях побитый чемоданчик. В нём лежали все сокровища, которые ей позволили взять с собой: кусочки коряг, выловленных из моря, книги о маяках и морских животных, коробочка с красками и отцовские часы, которые прислали им из окопов. Чемоданчик когда-то был маминим, и ей очень повезло, что его разрешили оставить. Настоятельница старалась сжигать всё, что хоть как-то связано с жертвами испанки.

Уне ещё никогда не хотелось так сильно покинуть приют, который все называли просто Дом. Тонкие, отсыревшие матрасы, собранные со всех концов страны, потрясённые войной дети, принудительная чистота и постоянное отчаяние. Уна так и не почувствовала себя здесь, среди сухопутных, как дома, хотя и пыталась завести друзей. Настоятельница все ненавидели и защищали перед ней друг друга. Комбинезон и домотканую одежду Уне пришлось сменить на унылые серые рубашки,

а бледные, как у птиц, глаза и странное поведение жутко злили Настоятельница.

Уна не только вечно наполняла карманы камешками и перьями: её не раз заставляли по ночам на крыше, где она переглядывалась со звёздами, словно они её лучшие друзья. Когда её спрашивали, сколько времени, она отвечала «шесть склянок»¹, а не «три часа». Ещё Уна изъяснялась, по выражению Настоятельница, «странными словами» вроде «кобальт» или «сталактит». Однажды она убежала прямо навстречу грозе вместо того, чтобы спрятаться под крышей, замороженная молниями в избитом, израненном небе. Настоятельница совершенно не удивляло — и она не уставала об этом напоминать, — что никто не хочет удочерять такого странного, непослушного ребёнка.

В Дом иногда приезжали приёмные родители: энергичные мужчины в дорогих костюмах и модных шляпах, женщины в шёлковых или креповых платьях и круглых шляпках клош, под которыми прятались смелые короткие причёски. Поначалу Уна жадно разглядывала незнакомцев. Она крепко сжимала в кулаке, спрятанном в кармане, счастливые пёрышки и молилась о новой семье.

Но прошло уже два года, а забрать её так никто и не захотел. Посетители ничуть не исправили плохого

¹ Скл я́н ки — морской термин, разговорное название песочных часов с получасовым ходом на парусном флоте; каждые полчаса часы переворачивал вахтенный матрос («часовой»), и сопровождалось это сигналом корабельного колокола. (Прим. ред.)

мнения Уны о сухопутных. Один мужчина сунул ей под нос листочек с примерами на сложение и фыркнул, когда она перепутала сложение и отражение света. Женщина, крепко сжимавшая в руках сумочку, презрительно глянула на Уну и пробормотала: «Какие ужасно яркие рыжие волосы! И низенькая такая. Она знает церковные гимны?» Уна не знала, так что женщина удочерила маленькую девочку, которая была дочерью пастора и гимнов знала больше, чем детских песенок. После этого Настоятельница дала Уне прозвище Уна Нежеланная.

А теперь её вдруг зачем-то позвали в кабинет Настоятельницы.

За дверью виднелись тени. Настоятельница многозначительно кашлянула, и Уна вскочила так быстро, что у неё коленки щёлкнули. Когда в комнату вошли Смиты, у неё до боли перехватило дыхание.

Кудрявая миссис Смит широко улыбалась ярко накрашенными губами; она была одета в зелёное твидовое пальто и забавную шляпку с пером. Мистер Смит, в очках и коричневой куртке с заплатами, излучал старомодный уют. Приветствуя Настоятельницу, он снял шляпу, обнажив светлые волосы, кружком торчавшие вокруг лысины. Пара всем видом демонстрировала доброту и хорошее настроение.

Миссис Смит стянула лайковые перчатки.

— Я совершенно очарована нашей встречей, дорогая Уна.

— Привет, юная Уна, — робко пробормотал мистер Смит, устраиваясь в предложенном Настоятельницей кресле.

Сердце Уны сжалось, словно связанное шкотовыми узлами¹. Она быстро вытащила из кармана пёрышко и протянула его миссис Смит.

— Оно очень редкое. Это перо баунтисского баклана! — выпалила она.

Настоятельница застонала, но миссис Смит, похоже, была в восторге.

— Я буду тщательно за ним ухаживать, — заверила она. — Мы живём недалеко от моря, знаешь? В большом старом доме. Он даже немного похож на маяк.

— Я фантастически скучаю по морю, — сказала Уна, прижав руки к сердцу. Увидев сердитый взгляд Настоятельница, она запнулась, но миссис Смит ободряюще кивнула.

— Я скучаю по маяку, где помогала папе, и по крабовым котлетам, и по рыбалке, и по грозам, которые на нас налетали. Моя семья, Вексфорды, всегда заботилась о свете, это был наш главный долг, а остров был таким краси...

— Она довольно грамотно пишет и неплохо разбирается в математике, — перебила Настоятельница.

Миссис Смит приподняла брови.

— Спасибо, госпожа Настоятельница. Мы очень рады это слышать, но нам бы хотелось поговорить с Уной и узнать её получше, понять, как она устроена. Это для нас важнее, чем успехи в учёбе.

¹ Шкóтовый у́зел — один из основных морских временных узлов, соединяющий концы двух тросов. (*Прим. ред.*)

Настоятельница нахмурилась, из-за чего Уна разом ещё больше потеплела к Смитам. Настоятельница не любила море и семьи смотрителей маяков, но этой паре, похоже, странности Уны только нравились.

Мистер Смит поправил очки, глянул на Настоятельница и, понизив голос до ещё более робкого шёпота, признался Уне:

— Я ремонтирую карусели.

— Карусели? С часовым механизмом? — выдохнула Уна. Мистер Смит усмехнулся, а Настоятельница так на него уставилась, словно он только что признался, что на самом деле является укротителем ядовитых змей.

Миссис Смит тоже наклонилась вперёд. От неё приятно пахло пирогом и фиалковым тальком.

— Мы старомодные, — сказала она. — И, боюсь, у нас не будет для тебя сестёр и братьев. Но я знаю, что мы будем тебя любить.

У нас не было собственных детей, и сейчас нам без них очень одиноко в большом старом доме. Я реставрирую антикварных кукол, а Хью занимается каруселями, но, если у нас по дому не будет бегать кто-нибудь маленький, мы скоро паутиной зарастём. Думаю, самый важный вопрос такой: Уна, ты одобришь нас как приёмных родителей? — Она глянула на Настоятельница и тайком подмигнула Уне. — Математику мы знаем довольно неплохо, да и пишем обычно грамотно.

Уна засмеялась — прямо на глазах у Настоятельница. Смех, запрещённый в холодно-корректной

Джанин Бичем

обстановке Дома, нарушал сразу сотню правил, ибо Настоятельница считала, что смех даже с причиной — признак дурачины. Настоятельница обрадовалась приезду Смитов, и чем скорее они заберут этого ребёнка, тем лучше.

— Я оформлю бумаги, — холодно сказала она.

Уна прижала чемоданчик к груди, чтобы успокоить прыгающее сердце. Смиты удобнее устроились в своих креслах, сияя, как начищенные буйки.

— Я знала, что мы тебя найдём, — сказала миссис Смит Уне. — Наш замечательный милый ребёнок с маяка. Посмотри только на себя. Ловкие пальчики, острые глазки, хорошо справишься с тонкими механизмами. О таком ребёнке мы и мечтать не могли. Ты идеально освоишься в «Копперлинсе».

Глава 2

— Смиты живут в городке под названием Найфли-Стайфлинг, — сказала Настоятельница, стоя у главного входа в Дом. — Уважаемое место, сами Смиты — уважаемые люди. Тебе очень повезло.

Она всем своим тоном пыталась показать, что Уна этого не заслуживает.

— Да ещё и на море. Полагаю, ты к этому как раз привыкла.

Уна вспомнила о Лезвиях, легендарных рифах, на которых погиб не один корабль до того, как там построили маяк. Мама постоянно чистила маяк от песка и соли. Папа заполнял вахтенный журнал, а Уна делала уроки, которые отправляла на большую землю с лодкой, привозившей припасы. Она посмотрела на ворота Дома.

— Да, мэм.

Внутри неё золотой пчёлкой носилось счастье.

«Я уезжаю! О, искры яркие! Я снова буду жить у моря!»

— Постарайся не упустить эту возможность. — Настоятельница поправила накрахмаленный фар-

тук и дала последнее напутствие. — У Смитов большой дом, они хорошо живут. Веди себя послушно, поняла?

Уна чуть не рассмеялась над абсурдностью этого совета. Как будто ей нужно об этом напоминать! Она уже не первый год живёт с прозвищем Уна Нежеланная. О да, она будет послушной. Она, насколько могла, привела себя в порядок — нацепила на кое-как постриженные волосы заколку, подтянула колготки, которые так ненавидела носить, начистила туфли, плюнув на них и яростно растерев рукавом. Ей было совершенно не грустно прощаться с другими сиротами. Только мальчик по имени Тимоти — с красными от постоянных оплеух Настоятельница ушами — тарасился на неё огромными глазами. С Тимоти творились странные вещи, но обычно ему удавалось это скрывать; он рассказал Уне, что ему приснилось, как его отец погиб в окопах, за два дня до того, как им прислали телеграмму с сообщением.

— Слушай, Уна. Держись подальше от этого дома, — шепнул он.

Уна посмотрела на него опустевшим взглядом.

— Почему?

Тимоти покачал головой, прижав подбородок к груди.

— Это плохой дом, — пробормотал он. — Он мне снился. Он опасный.

Кошмары, подумала Уна. Она наклонилась, чтобы обнять его и подбодрить, но он увернулся, словно чайка от акульих зубов.

Настоятельница отошла от двери, и вошли Смиты, готовые увезти свою новую дочку домой.

— Надеюсь, ты будешь с нами счастлива, Уна, девочка, — сказал мистер Смит, поднял её чемодан и помахал на прощание Настоятельнице. — Мы поедем домой на поезде. Ты когда-нибудь раньше ездила в поезде? Интересно будет, а?

— Никогда. Жду не дождусь!

Уна на радостях споткнулась о незавязанный шнурок; Настоятельница фыркнула у неё за спиной, но Смиты только улыбнулись. Сквозь серое облако прорвались солнечные лучи, и Уна вышла из Дома, не оглядываясь.

К радости Уны, в их распоряжении оказался целый вагон в поезде. Смиты посоветовали ей сполна воспользоваться этой возможностью, так что она сидела, неотрывно глядя в окно в поисках чего-нибудь красивого — дерева с красно-золотыми листьями, кошки, дремлющей на карнизе. Ей нравилось гладкое движение поезда, как он легко, почти по-волшебному нёсся мимо городов и полей, пока они сидели в тёплой закрытой комнате. Мимо один за другим проносились дома — одни с красивыми садами и детскими качелями, другие — с террасами и балконами. Она даже увидела автомобиль, мчавшийся по дороге, — блестящую чёрную машину со стеклянными фарами. За рулём сидел водитель в очках и перчатках.

О, как же чудесно было наконец покинуть Дом! И как приятно было со Смитами — уютными, веселыми, так непохожими на погибших родителей — любимых, но иногда крутых нравом.